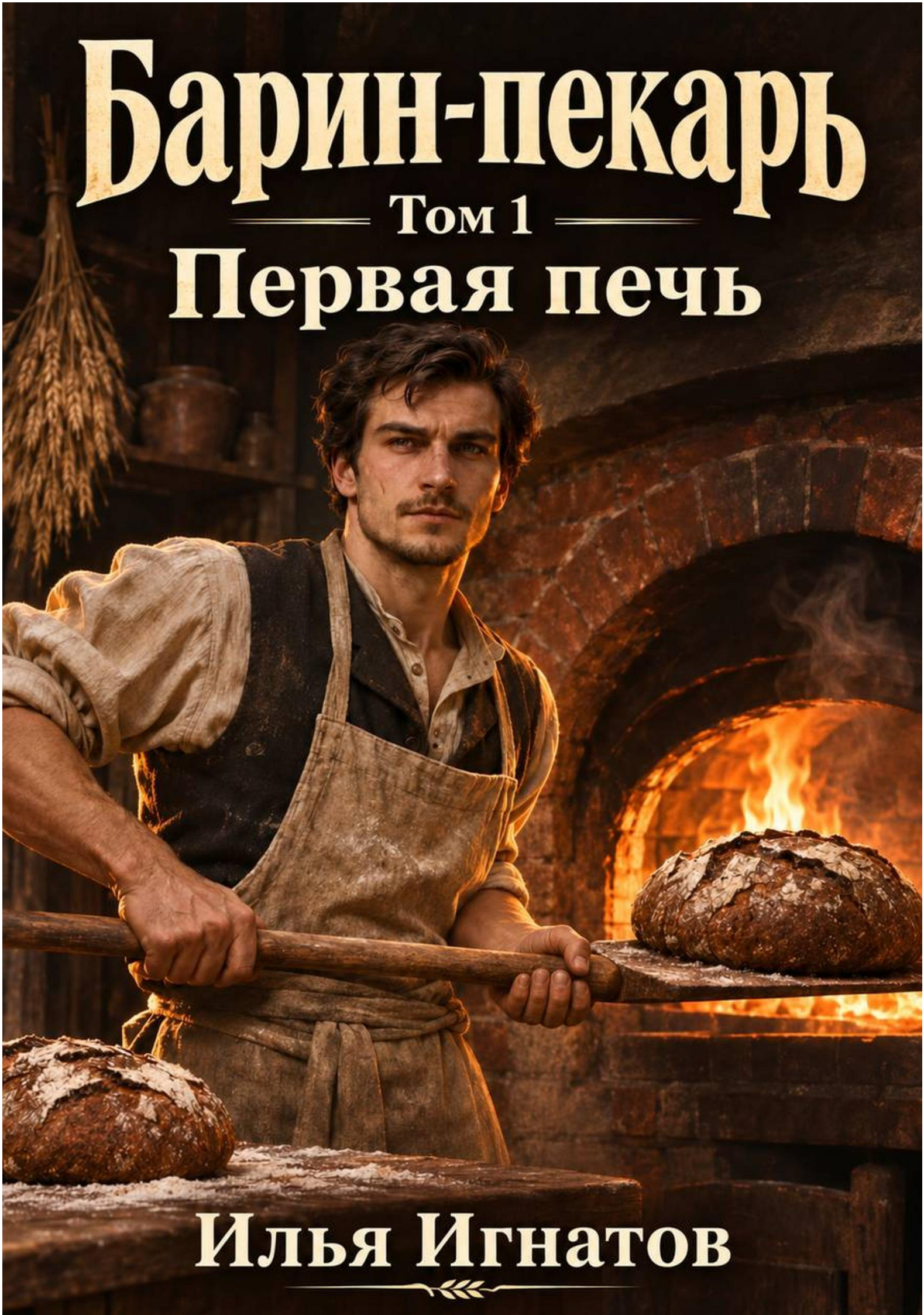
Барин-пекарь

Том 1

Первая печь



Илья Игнатов

Илья Игнатов

Барин-пекарь. Том 1. Первая печь

«Автор»
2026

Игнатов И.

Барин-пекарь. Том 1. Первая печь / И. Игнатов — «Автор», 2026

Купец Лукичёв готов списать мой долг за задний двор. Ему нужен проезд к складам, а моя печь стоит как раз на пути. Если соглашусь, её разберут.Ещё вчера я был Максимом Лавровым, технологом на хлебозаводе. Теперь я Николай Белозёров, хозяин пекарни в Самаре 1889 года. У меня сорок пять дней, чтобы вернуть сто двадцать рублей. Перед глазами всплывает надпись «Репутация 5/100». Её вижу только я.Двум бригадам на станции нужен хлеб к завтраку, и я берусь его возить. Этот заказ может спасти пекарню. Пока я договариваюсь о муке, Макар зовёт меня к печи. В кирпичах над огнём появилась трещина.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая печь 6
Глава 2. Сорок пять дней 11
Глава 3. Хлеб с горечью 14
Глава 4. Хозяин или дурак 17
Глава 5. Последние мешки 21
Глава 6. Первый настоящий хлеб 25
Глава 7. Хлеб должен продаваться 29
Глава 8. Цена буханки 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Илья Игнатов
Барин-пекарь. Том 1. Первая печь

Илья Игнатов
Барин-пекарь
Том 1
Первая печь

Глава 1. Чужая печь

— Под ноги глядите, Николай Андреич.

Доску уже тащило вниз. Я подставил колено, но край соскользнул с брюк, и две буханки покатились по полу. Одну подхватил мальчишка, забравшийся под стол. Вторая ударилась о ножку и разошлась по боку.

Человек, державший другой конец доски, помог мне поднять её на стол. У него даже брови были в муке.

— Федя, положи обе отдельно. И подай хозяину воды.

Я всё ещё держался за доску. Под пальцами похрустывала приставшая к дереву корка. Рукав у меня был в белых разводах, на запястье оттягивала руку тяжёлая медная пуговица. Никогда я такого рукава не носил.

— Сядьте, — сказал человек. — Вы возле квашни уже легли один раз.

У накрытой холстом кадки валялся табурет. В муке на полу отпечатались две ладони. Судя по рукавам, мои.

Мальчишка сунул мне кружку. Я выпил, потом поднял левую руку и провёл ногтем у основания указательного пальца. Там лет пятнадцать жила белая метка. В первую мою зиму на хлебозаводе я распорол руку о кожух тестоделителя и потом чудил, натягивал перчатку на свежие швы. Теперь кожа была гладкая. Я перевернул ладонь. На среднем пальце сбоку торчала мозоль от пера.

— Как вас зовут? — спросил я.

Мучные брови приподнялись.

— Макаром. Вы меня вчера полдня искали, а сегодня уж и звать забыли?

— Сейчас забыл.

Он вытащил из-под стола скамью. Я сел. Кирпичный пол в проходе был затёрт до блеска. У стены на гвоздях сушились мешки. Половину помещения занимала печь. Макару достаточно было протянуть руку, чтобы снять со стены лопату и дотянуться ею до задней стенки печи.

Ещё недавно я спускался по лестнице к загрузочной площадке. Фургон с мукой пищал задним ходом. Я поскользнулся и выпустил папку с накладной. Та успела хлопнуть о бетон прежде, чем я ударился головой.

Вместо кармана джинсов рука нашарила длинную полу. В кармане сюртука лежали ключи. У самого тяжёлого бородка была длиной с мой мизинец.

— Какой я вам Николай Андреевич?

— Белозёров, какой же ещё. — Макар потёр фартуком ручку лопаты. — Мальца за фельдшером послать?

Федя сразу полез за картузом и всунул ногу в башмак, смяв задник. Макар убрал лопату из прохода и ждал ответа.

— Погоди, Федя, — сказал я. — Мне лучше. Сколько хлебов было на доске?

— Двенадцать, — ответил мальчишка.

— Говорил же, за две ходки носи, — сказал Макар. Потом посмотрел на меня и, кажется, вспомнил, кому именно это говорил.

Я встал, придерживаясь за край скамьи. Хлеб сейчас был единственным, что я мог проверить собственными руками.

Федя принёс одну из упавших буханок. Он держал её за чистый бок и старательно отдувал с корки приставшую муку. Собрался так же обойтись со второй, расколотой, но Макар забрал её и положил на стол разломом вверх.

— Эту хоть отряхивай, хоть обметай. Гляньте.

Корка вышла румяная. Над донышком тянулась полоса непропечённого теста. Стоило её тронуть, как тесто прилипло к пальцу.

— Из дальнего угла? — спросил я.

— От заслонки. Дальние вот, на другом краю. Чего им будет, они под сводом сидели.

Я перевернул две буханки с разных концов доски. У дальней подрумянился весь низ, у ближней едва схватился край. На своём заводе я отнёс бы их в лабораторию, а пока попросил у Макара нож. Он придержал светлую буханку через тряпицу и надрезал сбоку. Под коркой виднелась та же сырая полоска.

Федя нагнулся совсем низко.

— Я их обе рядом посажал. У железки.

— Я тебе велел за крайней глядеть, — сказал Макар.

— Вы говорили лопату у стенки не заворачивать. За крайней я глядел, что она к другой не пристала.

Макар покосился на меня. Так спорили мастер и стажёр у меня на заводе. Пропесочишь стажёра, и в следующую смену он опять будет бояться переспросить.

— Покажи потом, где они стояли, — сказал я Феде.

— Да вот тут. — Он потянулся через стол, чтобы указать пальцем.

— В печи покажешь. Когда освободится.

Он отступил на полшага и кивнул. Макар сдвинул надрезанную буханку туда, где лежали две с пола. Девять остались на доске. Я пересчитал их два раза, хотя и первый раз получилось девять.

Из лавки позвали Макара. Вошла женщина в переднике поверх тёмного платья. Она вытащила руки из-под передника только у печи.

— Что мне нести? Она в сенях и с порога торопит.

— Девять, — сказал Макар.

— Дюжину она брала.

— Мы умеем считать, Пелагея Фёдоровна.

— Так посчитайте ещё раз при ней.

Пелагея глянула на доску, потом на мой рукав. Подняла кружку с пола и поставила на подоконник.

— Кто ждёт? — спросил я.

— Аксинья Степановна. На обед хлеб берёт. Вчера же с вами считалась, прямо на прилавке. Вы ещё велели покрупнее выбрать.

Хлеб уже оплатили. Столько я понял. В кадке оставалось тесто, но я ещё не знал, сколько оно простояло. Даже с моей прежней печью за четверть часа тут бы ничего не вышло.

— Сегодня второй раз сажаете? — спросил я Макара.

— Если всё сойдётся, после полудня выну.

За дверью крикнули, что в сенях с корзиной не повернуться. Пелагея позвала Федю с доской, и я пошёл следом. Макар остался рассматривать разрезанную буханку.

В лавке над прилавком висели весы с потемневшими чашами. Пелагея выдвинула плоский ящик. Мелочь лежала по отделениям, у самых щелей дерево было выскоблено.

Покупательница держала широкую корзину на бедре. На шнурке у пояса висел нож в кожаных ножнах.

— Девять готовы, — сказал я. — За три вернём сейчас. Можно будет забрать их позже, если вам к вечеру пригодится.

Она поставила корзину на пол.

— К вечеру моя артель съест и обед, и ужин. Вы мне утром сколько обещали?

Федя замер у прилавка с доской в руках. Я подхватил свободный край. Пелагея сложила хлеб в корзину, проверяя каждую буханку.

— Двенадцать, — ответил я. — Вон те три я из заказа убрал.

Покупательница ждала объяснения. Я рассказал, что две буханки уронил, а третью пришлось надрезать. Она вынула верхнюю из корзины и провела пальцем по донышку.

— Вчера у меня за столом хлеб пальцем расковыряли, — сказала она. — До конца обеда целая горбушка пролежала. Я думала, показалось людям.

Она вынула нож из ножен и посмотрела на Пелагею. Та придвинула дощечку, на которой взвешивала обрезки.

— Резать буду свой.

— Режь, — сказала Пелагея. — Ты за него платила.

Аксинья Степановна разрезала буханку пополам. Из-под ножа вышел пар. Она раздвинула половинки, взяла щепотку мякиша и пожевала. Пелагея ждала, держа руку на выдвинутом ящике.

— Этот годится, — сказала Аксинья Степановна. — Уложите половинки сверху, мне его первым на стол.

— У меня до Кузьминой лавки с этой корзиной четверть часа. Там берут дороже. Вернёте мне тут, доплачу там.

— Пелагея Фёдоровна, выдайте.

Пелагея выложила мелочь и разделила её пальцем на три кучки. Аксинья Степановна пересчитала деньги и ссыпала в кошель.

— На завтра считать вам хлеб? — спросила Пелагея, когда деньги сошлись.

Аксинья Степановна приладила корзину на другой бок. Попросила Федю придержать дверь и остановилась на ступеньке.

— С утра пришлите мальца. Сколько надо, я ему скажу. Заплачу, когда хлеб увижу.

Федя пропустил телегу и придержал дверь, пока она спускалась с корзиной. Потом смёл грязь с порога, поднял из-под прилавка медную монету и отдал Пелагее. Та положила медяк отдельно от выручки.

— Четверть часа она сказала, — произнесла Пелагея, прикрывая ящик. — Если дворами, быстрее. Только самого Кузьмина с утра в мучном ряду видела. У него ещё вчера на полке одни крендели были.

Она посунула мне тетрадь. В ней карандашом было записано вчерашнее число, имя покупательницы и двенадцать косых чёрточек, сбитых в группы по четыре.

— Против трёх ставить черту или ниже писать?

На соседней строке две чёрточки уже вычеркнули. Под ними стояло «взято», ниже другой рукой — «не давано». Попробуй докажи потом, чьи деньги в ящике.

— Ниже. Девять выдано, за три деньги возвращены. Сегодняшним числом.

— Шестнадцатое, — сказала Пелагея. — Октября.

Я потянулся к карандашу и чуть не поставил привычные «М. Л.». Написал «Н. Белозёров». Две последние буквы наехали на черту.

Пелагея взяла тетрадь, прочла. Сунула под прилавок.

— Пока вы тут, скажите Макару, что вчерашний чёрный продавать буду поутру. Прибираете его с вечера, а с утра Федя бегает ищет.

— Где он?

— На верхней полке. Белый себе ставите у задней стены, чёрный в лавку. Вчера, значит, опять не туда убрали. Я от печи со спиной не побегу.

Пелагея протёрла прилавок. Тетрадь с моей подписью осталась в ящике.

На подоконнике лежал потёртый «Самарец», справочная книжка с календарём на 1889 год. Я раскрыл её. Самара. На счёте за дрова, которым заложили страницу, стояло пятнадцатое октября. Вверху тот же год.

Я спросил, долго ли мы здесь торгуем. Пелагея решила, что её обвиняют в убытке.

— По весне семь лет вышло. Батюшка ваш меня за прилавок поставил, ещё когда покойная хозяйка сама деньги считала. Спросите Макара, ежели хотите дальше знать.

Я сунул счёт обратно в книжку. Федя ждал у двери с доской.

— Покажи, где у нас стол, за которым я пишу.

Федя открыл дверь в сени. За спиной шаркнул каблуком Макар.

— Хлеб-то как приняли?

— Девять забрала. За три вернули. Завтра посмотрит, прежде чем платить.

У Макара на виске блестела мука, смешанная с потом.

— Я её покойному мужу сколько лет носил. Тот утром возьмёт, что дадут, в обед за лишним прибежит. Теперь она сама деньги держит.

— Федя, утром отнесёшь ей одну буханку показать. Спросишь, сколько всего взять.

Федя тихо спросил, что будет с хлебом, который упал. Он всё ещё глядел в сторону стола, где мы оставили целую буханку.

— Макар, та первая буханка на полу оказалась целой?

— Целая. Федя, отнеси домой, коли надо. За тряпицей сходи, чистую из стопки вынь.

Мальчишка ушёл. Макар оттёр муку с виска и оставил на нём широкую полоску.

— За две ходки я мог вынести, — сказал я. — Свалил сам.

— Могли, — согласился Макар. — Лишь бы в следующий раз дали одной ходкой мне.

Я недолго постоял возле устья, когда он пошёл смотреть печь. Заслонку Макар взял за железную ручку через сложенную в несколько раз ветошь. В нижнем углу устья выкрошился кирпич. По краю щербины тянулась чёрная полоса. Он водрузил железку на место, покачал. Нижний край постукивал по поду.

— Тут отходит после топки. Край бы свободным оставить. Вчера вы сами велели дюжину разом ставить, чтобы дров больше не брать.

— Давно?

— Ещё ваш батюшка кирпич подкладывал. Кирпич выкрошился. Новый сырой попался, треснул.

Я чуть не сказал, чтобы переделали заслонку. На заводе я мог передать это механику и вернуться к тесту. Здесь сперва надо было выяснить, сколько возьмёт кузнец и можно ли на это время остановить печь.

— Покажи, где стояли те две, — попросил я у Феди, когда он вернулся. — На доске, пока помнишь.

Федя нашёл уголёк, положил доску перед собой и дважды чиркнул у края. Хотел добавить ещё одну чёрточку, потом стёр её ребром ладони.

— Я их на доске рядом положил. В печи одна за другой сидели. Которая лопнула, та у самой железки. Вторую из-за неё лопатой достал.

Он провёл новую черту на два пальца глубже первой. Я собирался отметить один угол, а по Фединой мерке сырыми оказались буханки из двух рядов.

— Во второй раз у заслонки оставь место, сколько всегда оставляли, — сказал я Макару. — Снимете хлеб, Федя мне покажет, откуда какой вынули.

— Ещё один резать будете?

— Одной хватит. Вы сами выберите и сперва дайте ей постоять.

Макар взял доску, посмотрел на чёрточки. Велел Феде остальное отбраковывать, как они всегда делают, и только потом нести ко мне. Мальчишка провёл пальцем по обеим отметкам и пошёл за дровами.

За сенями был двор с низким навесом. Вода с него стекала прямо на поленницу. Федя, прежде чем вынуть сухое полено из середины, подставил под верхний ряд колено. По тому, как ловко он это делал, корыто под навесом переливалось уже давно.

— Вон ваша. — Он показал на дверь вдоль пристройки. — Ключ при вас.

Ключ подошёл со второго оборота. В комнате был письменный стол, на крюке висело пальто. К пузырьку с чернилами на подоконнике прислонили зеркальце без оправы. Посередине кто-то натёр пальцем чистый круг.

Лицо было худое, с неровно сбритой щетиной. Нос чуть уходил вправо, как после старого перелома. Я приподнял верхнюю губу и увидел целый зуб на месте коронки. От ушиба в пекарне такого случиться не могло.

Максим Лавров, тридцать девять лет. Я произнёс имя вслух. Упёрся обеими руками в подоконник и подождал, пока перестанет звенеть в ушах.

На заводе сегодня должны были принять муку на две смены. Я оставил мастеру ключ от лаборатории и велел меня дождаться. Наверняка он уже открыл её сам. В цеху народу полно, разберутся. В телефоне осталась непрослушанная голосовуха от матери. Собирался включить её, когда вернусь в машину.

Под пером лежала бумага с именем Николая Андреевича Белозёрова. Подпись с двумя петлями шла вдоль сгиба. Моё «Н. Белозёров» из тетради и рядом с ней положить было стыдно. Пелагея, пожалуй, уже заметила. У неё полная лавка дел, она подождёт с разговором.

В пекарне ударил нож о доску. Я придвинул лист и повторил запись из тетради. Шестнадцатое октября. Девять хлебов выдано. За три деньги вернули. Ниже отметил место двух сырых буханок. После обеда надо будет спросить Макара про хлеб, который во второй раз простоит ближе всего к заслонке.

Прежде чем убрать перо, я написал, кому завтра идти к покупательнице. Феде. Тут же представил, как он покрутит бумажку в руках и спросит у Пелагеи, что на ней. Лучше с утра сказать при них обоих, когда выносить хлеб, и послушать, что ответят.

Я хотел передвинуть зеркальце дальше от края. На стекле, там, где прежде было моё отражение, проступили мелкие печатные буквы.

Реестр мастерства

Уровень 1

Я поднёс зеркало к окну. Надпись осталась на месте, хотя стекло теперь отражало мою руку. Опустил зеркало на стол. Чёрные буквы всё равно стояли перед глазами, на пол-ладони выше дерева. Под уровнем появилась строка помельче.

Технология 72/100. Управление 48/100. Торговля 22/100. Репутация 5/100.

Я отвернулся к двери. Даже там, на белой стене, была видна пятёрка. После встречи с Аксиньей Степановной я бы себе и столько не поставил.

В дверь постучал Федя.

— Николай Андреич, Пелагея велела передать. Опять за подписью пришли.

Его тень упала на печатные строки. Федя смотрел прямо на них и теребил край картуза.

— Чего передать?

Он положил на стол конверт с бурой печатью.

— Вчера приходили. Вы велели сказать, что вас нет. Сегодня Пелагея не стала так говорить.

— Что за бумага?

— Мне откуда знать? Приказчик у двери ждёт, расписку с вас просит.

Из пристройки Макар тянул ведро с золой. За стеной было слышно, как Пелагея уговаривает кого-то взять вчерашний чёрный хлеб.

На конверте вывели имя, отчество и фамилию. Я положил его на стол, а бумагу со старой подписью подвинул к себе.

— Пусть войдёт, Федя. Сначала я прочту.

Глава 2. Сорок пять дней

Приказчик вошёл боком. Под шарфом он сберёг от дождя сложенный вчетверо лист. Поставил сапоги так, чтобы не задеть коврик, и с порога спросил, есть ли у меня перо.

— Садитесь. Как вас величать?

— Назар Игнатьич, от Гаврилы Ивановича Лукичёва. Зачем садиться, у меня одна подпись.

Он развернул лист и прижал нижний угол пальцем. Левый глаз у него чуть косил. Назар Игнатьич наблюдал за пером, а я думал, что он посматривает мне через плечо. Надпись над столом уже исчезла. Я повернул зеркало к стене, чтобы при постороннем не дёргаться на всякое движение в стекле.

Просили удостоверить, что я лично получил предложение о порядке исполнения обязательства. Составитель не пожелал уточнить, какого именно. В расписке оставили место только для числа и подписи. Я потянулся к конверту. Приказчик убрал руку с листа.

Под печатью оказались письмо и копия векселя. Я прочитал имя Николая Андреевича Белозёрова, своё здешнее имя. Он обязался заплатить Гавриле Ивановичу Лукичёву сто двадцать рублей последнего числа ноября. Платить следовало в лавке Лукичёва, у которого оставался подлинник. На копии кто-то старательно повторил даже петли подписи. Я положил рядом бумагу из своего стола. Такую подпись с первого раза у меня не получалось поставить даже карандашом.

В письме Лукичёв спрашивал, когда я намерен прийти. Если с деньгами затруднительно, он готов обсудить имущество. Слово стояло одно, без пояснений. Я мог начать с пальто, если он захочет. По тону письма казалось, что речь пойдёт о доме.

— За деньгами сейчас придёте?

— К сроку, если сами к нам не явитесь. Ваш батюшка всегда приходил сам.

Про батюшку Назар сказал тише. Похоже, знал, что на это у Белозёрова прежде находился ответ. Я спросил, пошлют ли его ещё раз, если к купцу не приду. Назар пожал плечами. Ему поручили доставить письмо и вернуться с распиской. Больше он узнает, когда вернётся.

Я вычеркнул «предложение о порядке исполнения» и записал, что получил письмо и приложенную копию векселя. Назар прочёл, обвёл ногтем дату, попросил вписать её чернилами. Под стеной чуть не топался Федя, которому пора было нести воду. Первую петлю я попробовал повторить, вторая вышла как заячье ухо после драки. Дописал имя разборчиво. Назар ещё раз проверил число и сложил бумагу прежде, чем чернила до конца высохли.

— Я вон через пять дворов живу. Будете к Гавриле Ивановичу заходить, спросите сперва у меня. Иной раз он в конторе до свечей, а нынче на мучном ряду.

— Могу прийти сам, когда захочу?

Он кивнул с небольшой задержкой. Объяснил, что человека трудно поймать без проводника. Никакой причины тут же отправиться за ним у меня не было. Он поддержал шарф, чтобы не свисал в лужу, и у калитки оглянулся на навес с дровами.

Федя подождал, пока закроются ворота.

— Печь-то у нас возьмут?

— Утром будешь печь, как договаривались. До конца ноября сорок пять дней.

Он переставил ведро к другой ноге. Оказалось, Назар уже приходил после того, как вынесли Андрея Белозёрова. Сидел в лавке, ел вчерашний хлеб и выспрашивал, кто теперь подписывает за двором. В комнату покойного его тогда не пустили. Из присутствующих Федя помнил Пелагею и старого приказчика Крупина. Кто перед Назаром закрыл дверь, не видел. Мальчишку послали мыть чашу.

Я пересчитал срок на бумаге. Пятнадцать дней октября и ещё тридцать ноября. Дома я бы за это время успел получить от поставщика один новый вал к тестоделителю, если бы мастер вовремя прислал размеры. Здесь нужную железку, пожалуй, мог выгнуть кузнец за уголком. Сперва требовалось выяснить, на что чинить старую печь и почему я должен за неё отвечать. До обеда надо найти бумаги Белозёрова и узнать, сколько денег он оставил.

В столе лежали перья, тесёмки и два хороших ножа, которых не держали у печи. Под жестяной крышкой я нашёл ключ с голубой ниткой. Он подошёл к маленькому сундуку под окном. Там поверх рубах был сложен лист с печатью. Дом, лавка, пекарня, двор с пристройками перешли Николаю после смерти Андрея Белозёрова. Вписали даже навес над дровами. В бумаге я увидел, сколько углов у этого дома. Снаружи отвлёкся, раньше мне под навесом бросился в глаза только поток воды на поленницу.

Под листом лежал тугой кошелёк. Я высыпал на стол две шайбы, сломанную печатку, медную пуговицу и жестяную бирку с двойкой. В шве застрял клочок, на нём три числа: пятнадцать рублей, восемь и четыре тридцать. Возле последнего стояло «дрова». Я сперва принял все три за остатки в кассе. Потом поглядел на пустой кошелёк. Подтверждения мои догадки пока не получили. Обратно в него положил всё, кроме клочка. Про дрова уже мог спросить Макара.

В пекарне пол медленно белел от золы, которую Федя поднимал с досок. Макар перевернул квашню к свету. Снял с Фединого ножа засохшую полоску, велел пройти верх ещё раз. Когда мальчишка махнул ножом в неверную сторону, Макар принял его ладонь с краю и развернул. Затем спросил меня про дрова. Сегодня Никита хочет расчёта за вчерашнюю доставку. За прошлую подводу, по его словам, ещё не всё дали. До второй топки хватает отложенного сухого, после неё останется меньше охапки.

— А счёт кто делал?

— Покойный батюшка, пока на двор выходил. Потом Иван Крупин. Как Иван ушёл, вы деньги сами взяли. У него счета было принято домой таскать. Говорил, половина по делам брата, не станет рядом с вашими держать.

Я записал имя на обороте клочка. Макар дождался, пока уберу карандаш.

— Мне бы просто знать, дрова привезут или оставим квашню с утра стоять.

Я предложил отложить сухое на завтра сейчас. Он провёл меня под навес, с первого раза показал, какой ряд ещё прикрыт. Мы вынули по охапке. Федя подхватил остаток, сцепив два полена между руками. Мокрые Макар не позволил тащить вплотную к огню. Отодвинул для них отдельную доску. Пока мы носили, меня ни разу не спросили, где положить. Четверть часа назад я собирался написать указание про поленья и считал, что этим закончу дело.

В лавке Пелагея оставляла по две вчерашние буханки двум покупательницам. У прилавка появился человек с серой сумкой, купил малую и ждал, пока она сверху положит обрезок. Получив, перевернул сумку чистой стороной к хлебу. Когда ушёл, Пелагея сказала, покойная хозяйка всегда ему так давала. За полный он платить не может, дома детей больше, чем в его сумку влезет.

Я показал копию векселя. Пелагея удивилась, что я до сих пор не сходил к купцу сам. После похорон к нам от Лукичёва уже дважды приходили. Под кассой она нашла отдельный счёт за муку на восемнадцать рублей. За такие деньги пекарня должна была получить несколько подвод. У дверей Пелагея видела два мешка. Крупин принимал и отпускал товар на два двора, и я пока не мог отличить полученную нами муку от той, что увезли к Колесниковым. Переспросил, платили ли за эти восемнадцать хоть что-нибудь.

— За это уже давали что-нибудь? — спросил я.

— У вас спросили неделю тому назад. Вы сказали, пусть приходят потом.

Нечего было делать вид, что такие ответы теперь окажутся забыты вместе с человеком, который их давал. Я предложил начать с того, что можно сосчитать, и попросил выложить

мелочь. Пелагея раскрыла ящик. Внизу ножом процарапали «чужое», «сдача» и «остаток». Под первым лежал найденный Федей медяк. Хозяйка положила его в сторону. Вдруг человек воротится, пусть заберёт. За вчера оплаченные три буханки Аксинье деньги уже вернули.

Сошлось шесть рублей сорок восемь копеек. Я даже переспросил, нет ли в другой комнате маленькой кассы. Пелагея взглянула на найденный мною кошель, и мне захотелось его сразу спрятать. По крайней мере два рубля придётся оставить на дрова и ближайшую доставку. Макар помолчал возле стены. Когда я спросил про жалованье, он сказал, потом лучше зайдёт один. Пелагея затворила ящик чуть громче, чем нужно. У неё был, видать, тот же разговор, который она уже не раз переносила.

Я положил рядом цифры. Даже если выгрести кассу, не хватит ста с лишним рублей. К концу ноября надо откладывать по два с половиной рубля в день с лишком. Мы пока не всегда выручаем столько за день, а за дрова и работу платить всё равно надо. Я попробовал складывать по неделям. На первой потерялась медь, которой я надеялся заменить муку, на второй та же сумма понадобилась за две выпечки. Пелагея терпеливо ждала, пока закончу. Потом показала своим карандашом на вексель: сумму знает, день на записке нужен тоже.

— Число припишите, — сказала Пелагея. — А то завтра опять будем спорить, в какой день эти шесть рублей были.

Я приписал число и сделал две колонки. В первой то, что в ящике. Во второй обещанные платежи, которые ещё не вытряхнули на стол. Пелагея сдвинула счёт за муку ниже. Сначала мы внесли возврат Аксинье и нынешние дрова. Про прежние ещё придётся спросить у Никиты. Дальше она удивилась, что покупку печных дров я понимаю без третьей записи. Сложили только то, за что действительно отвечаем сегодня, и оставили остальное перевязать отдельно. До темноты нам надо было печь.

Никита пришёл до второй выемки, в мокрых обмотках и с концом верёвки. Напомнил, что за вчерашний воз надо отдать сегодня. Показал две зарубки на дощечке. По одной спорили. Пелагея подняла счёт, Макар показал поленницу. Никите было легче вспомнить, как подал телегу задом, чем сказать, какой платёж получил от двора. Мы рассчитались за вчерашнее при всех, за более раннее условились сверить запись послезавтра на торгу. Он сказал, если будет точное время и деньги, подвезёт ещё. Я попросил оставить его дощечку на виду, прочитал вслух, что именно сейчас уплачено. Ту прежнюю зарубку он не затронул. В первый раз мы хотя бы не подписали на бумаге две разные подводы одной рукой.

Во вторую посадку у заслонки оставили свободную полосу. Федя отметил буханку с ближнего края. Она вышла лучше утренней, хотя под коркой ещё липло к ножу. Макар сложил половинки вместе и велел дать им остыть. Я спросил, какую муку берём завтра. Он вывернул шов от мешка, с которым возился утром. Выпала деревянная бирка. На одной стороне оттиснули крюк, на другой карандашом оставили две риски. Такой же крюк был на нижнем мешке в кладовой.

— Этот брал сверху, — сказал Макар. — Который край посвободнее, туда и полез. Федя, теперь поди знай, в каком из двух завтра искать.

Под верхним швом мука была сухая. Я забрал глубже, и к пальцам пристал плоский комочек. Растёр на ладони, тут и проступил запах сырого полотна. Со вчерашнего утра сыпали из обоих мешков. Одну отметку поставили от слепого Крупинова знака, другую по тому, какой к стене. Теперь ни один из них мы не могли назвать по одной только завязке. Я попросил Макара завтра не трогать общую кадку, пока не посмотрим оба мешка при свете.

Пелагея захлопнула кассу. Я впервые за день обрадовался, что могу оставить деньги там до утра. Велел Феде пометить оба мешка по-разному и больше ничего из них не ссыпать вместе. Завтра испечём несколько проб и подумаем, с чем идти к Аксинье. Копия векселя соскользнула под крышку ящика. Я вынул её и положил сверху, отдельно. С мукой к Лукичёву мне теперь всё равно придётся идти.

Глава 3. Хлеб с горечью

Утром Аксинья вернула пробную буханку ещё тёплой. Федя унёс её под холстом и под тем же холстом принёс обратно. На боку торчала щепка. Он объяснил, что Аксинья сама разрезала хлеб, а щепку вставила, чтобы мне сразу видно было, где попробовать.

— Сырым сеном пахнет, — сказал он. — Она уже за другим послала.

Сразу пахнуло печью. Потом дошёл влажный запах, как от мешка, долго пролежавшего под телегой. У донышка горчило. Я выплюнул кусочек и запил водой. Мякиш пружинил. Нижняя корка в этот раз схватилась хорошо, вчерашней полосы непропечённого теста не было. Я положил хлеб разломом вверх. Эту горечь заслонкой не выгонишь.

Макар сидел у печи. Он успел поставить пробную из вчерашней кадки прежде, чем я пришёл. Хотел, чтобы Федя вынес вовремя. В ночном тесте была мука из мешка, который мы уже отметили. Остальной замес на дюжину стоял у стены, накрытый. Федя поднял край холста. По нему сразу скатилась капля, задержалась на обруче. Он убрал руку, будто теперь я должен был выбрать, кто весь этот хлеб съест.

— Аксинья сколько просила? — спросил я.

— Она говорит, дальше не носите. Сама у Кузьмина возьмёт. Денег мне не дала.

— Так и договаривались. После пробы. Сегодня больше не бегай, сам зайду.

Федя отвёл глаза. Вчера он унёс одну из наших упавших буханок домой. Теперь пришлось принести обратно другую женщине, от которой он уже ожидал работы на завтра. Он снял с неё щепку и положил рядом. В отличие от взрослого, он ещё не вообразил, что можно объяснить покупателю, будто та не с того края прочла цену.

В лавке Пелагея отложила две из четырёх вчерашних по просьбе, другие могла выставить сейчас. Она хотела знать, когда подадим свежий. Вчера ей уже пришлось пройтись до ворот за одной женщиной, той с ребёнком. Теперь та могла вернуться. Я сказал, устроим пробу, затем будет понятно. Пелагея прижала ключ к переднику.

— «Будет понятно» можно сказать тому, кто дома сидит. У меня конкретный человек у двери попросит кусок.

— Скажи, до обеда я свежего не обещаю. Вчерашний выстави два. Остальные держи для тех, кто записан.

Она пошла. Макар подвинул кадку ближе к столу. Я уже приготовился просить его отнести весь замес на дурную сторону двора. Он предложил оставить отдельно. Если из хорошей муки выведем дневную, можно проверить рядом одну из готового теста, пока мы печь держим. «Одну», — напомнил я. Прилавок у Пелагеи всё ещё был почти пуст. Прежде здесь могли продавать горькую дюжину по чуть меньшей цене и назвать её вчерашней. В нашей новой записи прежде всего нужен был видимый порядок, куда этот хлеб уйдёт после ножа. Мы уговорились никакую часть сырого старого теста в лавку не класть. Одну пробу отберём, остальное отдельно, пока не решим, что можно сохранить для чего-нибудь кроме продажи.

Кладовая оказалась холоднее комнаты, в которой я спал. У стены стояли два мешка, прижаты краями к доске. Макар вчера говорил, что один верхний, другой нижний, хотя Федя уже успел их поменять, чтобы снять часть из обоих. У доски тянулся тёмный влажный след. Я отодвинул верхний, зацепил рукавом за доску и чуть не вытащил вместе с нижним клин. Федя поставил подставку на место, потом сам обошёл мешок и попробовал оторвать от стены. Там, где прижалась одна сторона, из холста словно выросли тёмные точки.

— А я сверху брал, — сказал он. — Макар так велел, пока мешок тугой. Потом привязывать ещё.

Макар не возразил. Поднял к окну первый шов. Потрогал, где ткань легче развести пальцами. Я разложил на чистой доске три горсти. Одна из сухого мешка, две из сырого, у шва и

глубже. В двух более грубые комочки. Верх сухой, внутри всё ещё пахнет. У нас на производстве при выгрузке первой удачной горсти часто хватает, чтобы водителю выдали подпись за всю машину. Потом уже у весов объясняют, почему снимают партию. Здесь у одного мешка вышло три разных ответа, в зависимости от того, куда ты в него полез. Никакого свидетеля у нас от поставки не осталось.

— Кто принимал? — спросил я.

— Я видал верх, — сказал Макар. — Оно втрое легче той пудовой казалось. Крупин говорил, на поверку поставит отдельно. Как сняли с подвода, Федя первую миску понёс, повозки уже не было.

Федя хотел возразить, что в тот раз на дворе стояли ещё две. Ноги у него по привычке двинулись к двери, когда спросил, свидетель нужен или всё теперь на нём. Я сказал, сейчас хочу знать другое. Есть ли у нас хотя бы один сухой мешок, на который можно ответить своим хлебом. Снять с него пробу, взвесить. За сырой денег никто сегодня не отдаст, пока не выясним, что купили и как именно оно испортилось.

Мы сделали три малых с одинаковой закваской и весом. Я хотел сразу добавить к ним четвёртую, из вчерашней дежи. Макар прикрыл её ладонью.

— Это тесто всю ночь стояло, Коля. Потом скажешь, от чего горчит?

Отложили вчерашнее. Федя пометил доски угольком: одна черта для муки из сухого мешка, две — для пробы у мокрого шва, три — для горсти, которую Макар достал из середины. На четвёртой мальчишка для прежнего замеса хотел вывести первую А. Потом понял, как это выглядит на столе рядом с именем Аксиньи, и написал две крестовые чёрточки.

Пока тесто подходило, Пелагея открыла книгу за неделю. У её выходов было по меньшей мере пять «вечерних». В каждой такой строке значилось, что вынесли столько же, сколько поставили утром. Рядом позже написали меньше, часть унесли на замену. Было два хлеба, которые успели отдать одному покупателю ровно за одни деньги, первый и второй. Было ещё шесть отложенных до завтра, из них три в конечном счёте ушли как возврат. Если просто переписать выданное, казалось, мы справно продаём весь дневной. В действительности половина этих рук за одними деньгами уже приходила дважды.

— Сколько не отпускали при тебе? — спросил я.

— Когда Макар у себя снял, я не видела. Надо его бумагу отдельно было держать. Я столько лет ставила черту за выносом, что мне легче ждать, пока вы всё сами принесёте, чем отмахиваться от покупателей ради чужой цифры.

Мы сделали два одинаковых листа на сегодня. На одном Макар или Федя отмечают, сколько поставили, сколько вынули, сколько оставили на пробу. На другом Пелагея пишет, сколько приняли на полку и что вернулось. Платёж она ведёт, как прежде, только отмечает, за замену это или новый. Это заняло меньше трёх строк, зато у каждой было своё место. Макар посмотрел на первую, сказал, после печи умоется и сможет взяться за карандаш. Своих хлебов он и без бумаги не перепутает. Я сказал, теперь важнее, чтобы поняла Пелагея, когда его у прилавка нет. Он вернул лист ко мне. Сказал, даст Феде первую отметку, только при нём проверит.

Федя вынул три пробных. Пока они остывали на доске, Пелагея продала две вчерашние, принесла нож и сама дождалась, пока мы разломим первую. Ржаной мякиш пружинил, пахло обычным хлебом. Во второй снова оказалось то самое сырое сено. Третью Макар поднёс к носу и сразу отодвинул. Я накрыл обе холстом и поставил подальше от лавки. Сухую оставил на столе. Если завтра с утра Аксинья спросит, чем нынешняя отличается от её утренней, Федя сможет показать оба мешка и объяснить сам.

Красной тряпкой Федя перевязал оба угла сырого. Макар предложил отнести его под навес, чтобы не мешал остальным. Я попросил запереть отдельно на сухой подставке. Деньги ещё попросят. Надо сохранить для того, кто захочет вместе понюхать. Ссыпать на землю и объявить, что нам продали негодное, было бы проще, только потом слово окажется возле пустого

мешка. Макар молча повернулся туда, где мы вчера отодвинули половину старых досок. Сам вынес ещё одну и подложил под сухой, дальше от стены.

— У Крупина другая проверка была, — сказал он после. — Поставят, спросит, сколько полагается. Внутрь полезет только если совсем не нравится. В мокром углу здесь и доброе за ночь бы взяло. Не знаете, чей именно след, не ругайтесь первым.

Макар был прав. Даже если возчик привёз мешок сухим, у нашей стены он мог напитаться за ночь. На муку мы поставили запрет, а цену будем разбирать при поставщике. Пелагее от этого не прибавилось ни одной буханки на прилавок. Она спросила, сколько сможет обещать к обеду, и осталась у двери, пока мы снова не полезли за весами.

Для дневной выпечки Макар отмерил из сухого мешка ровно столько, чтобы проверить ещё несколько буханок. Я потянулся подвинуть дежу к двери, где было свободно. Тут же почувствовал сквозняк у щиколоток и поставил обратно. Макар посмотрел на меня, ничего не сказал, укрыл тесто и остался ждать. Я ушёл к Аксинье.

Она кормила артель за чужими воротами у низкого стола. К обеду у неё уже поставили котёл и толстый чёрствый ломоть. Один из работников водил ножом по ребру и рассказал, что утром свою горбушку пустил лошади. Она распорядилась ещё дать ему щей. Потом подозвала меня, потому что я долго стоял у калитки.

— Хлеб купила, до вечера хватит. Вашу пробу вы сами видели. Что тут ещё считать?

— Из той муки больше в лавку сегодня ничего. Завтра попробуем дать восемь, из другой. Сперва один сюда. Если этот человек скажет, что горчит, заберу и прошу дальше считать у Кузьмина.

Она посмотрела на человека с ножом. Тот ел щи и не поднял глаз. Когда миска опустела, взял новый ломоть, бросил в котёл на секунду. Я мог сколько угодно рассказывать, почему наш хлеб в другой день станет лучше. Человек передо мной сегодня просил просто успеть поесть, пока его опять не погонят за лошадью. Аксинья сказала, восемь к утру возьмёт по пробе. Если задержимся до обеда, пойдёт туда, где можно не ждать. Про деньги спросила уже у ворот. Я ответил, шесть за двухфунтовую, как прежде.

— Все восемь на руках сразу, — сказала она. — С утренней пробой до того, как люди сядут.

— Выставим первыми.

У лавки уже ждал человек с серой сумкой. Пелагея хотела дать ему на обед хоть одну из новых. Макар перевесил остаток сухой муки, тут ещё был пуд с небольшим. Восемь Аксинье утром будут, если не раздавать их заранее всем, кто постучит к вечеру. Для человека с сумкой оставили одну из нынешнего небольшого замеса, остальное Пелагея согласилась объявлять по готовности. По нашей тетради ещё нельзя было сказать, успеем ли дважды за одно утро испечь одно и то же. На листе возле дежи я записал, из какого мешка взяли муку и когда замесили. Федя спросил, куда теперь писать, сколько вынули. Показал ему нижнюю строку, пока бумага ещё была чистая.

Федя принёс чистую доску. Макар подал мне лопату и поправил мою руку на рукояти. Я держал слишком близко к лезвию, рукав тянуло к устью. Дали маленьким ещё постоять. Для Аксиньиного заказа место уже наметили, до её хлеба сегодня оставалось проверить наш. Федя положил рядом два листа: один с числом для лавки и второй с отметкой о сухом мешке. Прежде на одном у него было всё. Теперь он успел спросить меня, какой понесёт Пелагее, прежде чем Макар позвал орудовать лопатой.

Глава 4. Хозяин или дурак

Восемь буханок Аксинье я нёс сам, две корзины разделили с Федей. У ворот она велела одну открыть. Тот рабочий, что вчера отдал горькую горбушку, попробовал. Попросил его кусок положить к миске и пошёл к лошадям. Я ждал ещё слов, но дальше ему уже кричали, чтобы поднял оглоблю.

Аксинья оставила сорок восемь копеек на чистой дощечке. Федя согнул пальцы в кармане и тихо принялся умножать шесть на восемь. Я понял, что вчера поручил ему вслух только число буханок. Цену он сейчас услышал впервые. Если бы пришёл один и получил на руки на три копейки меньше, домой принёс бы их как полагалось.

— Завтра так же? — спросил я.

— Завтра с утра скажу, — ответила Аксинья. — Вдруг мои люди в другой стороне поедят. Сегодня хлеб годится.

Прежде я счёл бы это поводом поговорить с постоянным покупателем на неделю. Сейчас в корзине уже лежали три тряпицы, которые надо вымыть, и выручку от одной покупки через день съест хороший мешок. Я спросил, как доехать до Никиты, чтобы к его повороту не тащить подводу задом. Аксинья указала двор с одним выбитым пролётом. Она по этой дороге мужа встречала, когда шёл с пустыми руками. Если оттуда воз и выходит, без лишнего круга попадаешь к дровам.

Макар ждал у кадки. От сухого мешка осталось немного. На другой стороне я увидел нашу красную тряпку, сунутую к совку. Разозлился, что опять открыли плохой. Потом заметил вторую, светлее, на том же мешке. Красную сняли только потому, что промокла. Макар снова сказал, мокрое не пустит ни в один замес. Федя глянул в мою сторону, забрал у меня пустую корзину. У него хватало за утро своей работы, чтобы отвечать ещё и за моё предположение.

Я решил, что кладовую сегодня надо разобрать целиком. Избавиться от сырых подставок, взвесить оба мешка, поставить сухие отдельно и дать каждому свой знак. Ещё не начал, а уже велел Феде оставить миску и искать доски. Макар поднял голову. Тесто дошло, двоим сейчас работы у дежи было на четверть часа. За четверть часа я уже нашёл Феде четыре другие обязанности. Он стоял посередине, держа миску обеими руками. Спросил, кто из нас теперь идёт за доской.

— Я тут, — ответил я.

Он не возразил. Оттого я решил, что согласился.

Степан пришёл чуть позже. Ростом почти с дверной косяк, две пуговицы у ворота застегнул в разные петли. Он снял шапку, положил к фартуку, спросил, где нынче месить. До этого видел меня только за попыткой обещать расчёт в субботу. Теперь мог уйти на тесовый склад, к назначенному часу. Я попросил помочь с подставкой, а потом вернуться к Макару. Степан приподнял один край, обернулся на кадку. Макар покачал головой.

— Он сейчас мне нужен.

— Перетащит и придёт.

Степан смотрел на руки обоих. Федя уже полез под второй край, подставка дёрнулась и сбросила кирпич. Мальчишка поймал его перед самым полом. Потом подержал пальцы во рту и ничего не сказал. Я позвал его отойти. Степан опустил подставку, ушёл к кадке. Макар поблагодарил его так вежливо, что я наконец услышал, кому это было сказано.

Пришлось взяться за край кадки самому. Макар перевернул, Степан принял массу. Я смог удержать клёпку у колена, пока от стенки отлепится тесто. Всё, к чему готовился как к руководству, в этот момент сводилось к одной верной руке. Когда первый кусок лёг на стол, попросил поставить рядом весы. У двух внешне похожих кусков разница почти четверть фунта.

Макар умел делить по руке. Степан, как только он отошёл, повторил размер на глаз и приготовил один крупнее, другой поменьше.

— Большой после печи должен весить два фунта, — сказал я. — До лепки проверим.

Федя принёс чашу, замер, когда я велел поставить на стол, а Макар попросил убрать из прохода. Наконец пристроил на кирпиче. Чаша качнулась. Макар переставил весы дальше, там, где ему хватало места присыпать тесто. Мне это объяснил Степан. Я было взялся двигать обратно. Тут в дверь лавки постучала Пелагея. Первые люди уже ждут, у кого вчера обещали, хорошего ли веса будет. Прошло от намеченной четверти часа вдвое больше. С местом у весов мы ещё не договорились.

Я отправил Федю к Степану просить верёвку. Макар сказал, вовсе не отпускает его от теста. В углу подставка застарела, и я дёрнул за верхний мешок сам. С противоположного конца подхватила Пелагея. Я увидел, как у неё на лице встала работа, от которой она вчера отказывалась из-за спины. Успел опустить. Теперь полез Федя с обрывком верёвки, предложил вытянуть за пустой угол. Сделали как сказал. Доска хрустнула. Отлетевшая щепа распорола старый мешок. Мука посыпалась к самому порогу. Федя подбил под него пустой, половину собрал, сколько мог. Чистую разлившуюся не вернёшь, тут уже грязь перевели у ног.

Макар подошёл с липкой ниткой на руке. Задумался, что теперь отодвинуть, чтобы пойти обратно к кадке.

— Вам подставку держать или хлеб ставить? — спросил он. — Я квашню оставлять больше не буду.

Мне захотелось объяснить, для чего разбираем хозяйство. Он приоткрыл дверь в лавку. Там женщина с ребёнком просила дать хоть горбушку, маленький хочет есть, пока они идут через улицу. Пелагея отвечала, нету ещё утреннего. Макар оставил дверь открытой.

— У вас спросите, когда будет, — сказал он. — Хозяин нынче сам хлеб считает.

Женщина посмотрела на меня, дождалась, пока я объясню, почему хлеба пока нет, и ушла. Мальчик на её руках ещё оглядывался к открытому окошку. Я чуть не послал Федю разыскивать обоих. У него перед носом тесто, которое через четверть часа опять никто не перевесит, если скажу беги. Макар поставил квашню у своего стола. Я попросил его закончить сегодняшний замес. С кладовой мы со Степаном управимся по мешку. Пелагея, уже всё слышавшая, сама вышла на крыльцо. Сказала следующим двоим, что после полудня будет простой. На этот раз ей крикнули с улицы: хорошо, зайдём.

Сам я вымыл нож и больше к весам с чужой стороны не лез. Спросил у Степана, сколько у него времени. Он сказал, до обеда есть, после забирают на тесовый склад. Я попросил закончить текущие куски, а за новую подставку договоримся на другое время. Та работа ему от меня ещё ни цены, ни срока не принесла. Тут мы могли вернуться к делу. Он вытер руку о пояс, согласился.

Когда первый ряд пошёл в печь, Макар подошёл сам.

— Который вам считать? — спросил он.

Я спросил, хочет ли поставить весы там, где они не будут бить чашей при каждом шаге. Он показал подвижный клин. Если подбить, с этой стороны Федя ещё сможет отнести тесто на доску. Взвешивать по куску из начала и конца каждой дюжины Макар согласился. Свой вес после печи он определял и до меня; попросил раз дать ему самому записать, сколько теряет край. По двум крупным решим, годятся ли остальные. Если нет, по руке разберёт и повторно взвесит. Я согласился попробовать сутки. Легче было бы приказать взвесить всё. Двенадцать раз чашу ждали бы при одной доске все четверо. На такой работе школьный пример про четверть фунта нам дорого бы стоил.

Степана поймали за руку до ухода. Я спросил про подставку. Он назвал цену за пару часов. Сколотить сможет с Федей после второй выемки, если найти прямую доску. Мы пересчитали утренние деньги, выложили настоящую оплату за работу с тестом. Ещё короткую строку

написали за полку, отдельно после установки. Степан захотел повторить цену при Пелагее. Мне показалось, довольно что договорились вдвоём. Потом вспомнил Никиту с дощечкой. При Пелагее повторил. Степан убрал деньги, не спрашивая, придёт ли кто из нас за ними следом.

Первый хлеб вышел на полку позже обычного. Пелагея завернула один, который обещала передать женщине, если та окажется у дальней калитки. Федя побежал с ним, вернулся с холодной буханкой. Женщина успела купить у соседки. Я сам взвесил остаток, записал, что дров сегодня ушло по расчёту, а выписанный хлеб продадим уже вечером по другому весу. Никакого штрафа на Федю не положили. Он пошёл следом за полоской мела, чтобы следующую доску донести с другой стороны прохода.

После полудня встретился с Никитой у воза. Он расправил дощечку на колесе, Пелагея передала старый счёт. У них разные зарубки начинались в одном месте. Никита вспомнил, в тот день Крупин у Колесниковых дал ему полтинник, а вчера записал с нашего двора, что ещё нужно отдать. Осталось меньше рубля и только один старый воз. По новому мы рассчитались при Макаре. Я попросил вычеркнуть у Никиты оплаченный и повторить вслух, сколько остаётся. Он повторил. На следующей подводе мне теперь можно будет спросить так же. За новый счёт Никита готов отвечать, если увидит мой карандаш прежде, чем разгрузят.

Я спросил про муку. Завтра нужна сухая на два пуда, можно меньше, если такого мешка не найдём. За чужое качество он ручаться не стал. Говорил, в ряду один продаст с верхнего шва, другой не развяжет вовсе, третий с утра занят при амбаре Лукичёва. Если понадобится забрать готовый мешок, подложит солому и назовёт дорогу. Какую муку берём, будем решать при Макаре. Никита ещё глянул на старый счёт, спросил, не намерен ли я опираться на обещание Гаврилы Ивановича. В этом квартале многим тот держит цену, пока видит, куда человек несёт деньги. Кто выходит со своим товаром, через неделю может вернуться с той же телегой уже к другой двери. Он сказал это тихо, потому что у мучного ряда деньги чужие считают громче, чем свои.

Дома Степан с Федей поставили подставку дальше от стены. За низким краем всё ещё шатался один клин. Степан вынул, углубил паз, вбил обратно торцом ножа. Я удержался от просьбы поднять сегодня всю другую сторону. Готовое проверили при Пелагее, посмотрели, можно ли вынести целый мешок, не задев кадку. Можно. Цена за малую работу вышла меньше, чем муки рассыпали, когда взялись за большую до первого жара. Степан получил свои копейки за полку по отдельной строке. Потом собрал тряпку из-под мешка и предложил после следующего замеса заодно поправить порог, раз уже знают, какой клин держит.

До первой утренней посадки сухой муки хватало. Пелагея записала восемь от Аксиньи, рядом поставила вопрос о новом заказе. Для своих двух покупателей она отложит по малой со второй посадки, если выйдут вовремя. Федя стоял у крыльца в рукавицах. Покажи ему доску с двумя часами сейчас, к рассвету сумеет сам сказать, когда идти. У нас же с Макаром с утра рынок. Нужно купить сухую рожь и никого до первого света не позвать за тем, чего ещё в мешке нет.

— Вы бы на ряду тоже не велели всё сразу переставлять, — сказала она, отдав мне бумагу.

Макар услышал. Он отряхнул с первой доски муку и сказал, что пойдёт со мной выбирать. Федю поставит у теста при Степане. Ему надо из мешка посмотреть до того, как я заплачу. Я сказал, он выбирает, я проверяю вес и считаю деньги. Макар взял с полки тетрадку, куда мы условились на сегодня вписать два завеса. Под будущим пудом провёл новую чёрточку, не трогая старую.

На обеденной полке лежали последние буханки со второй выемки. Я взял одну и отнёс Пелагее. Она отодвинула гирю, подняла хлеб и сказала, что женщина с ребёнком до этой полки сегодня уже не дойдёт. С утра я пообещал разобрать всю кладовую и сорвал выдачу. На завтра Макар сам выбирает муку, я с Никитой смотрю вес. На складе к нашему приходу останется

сухая полка, места на все мешки ещё нет. Записал два пуда и убрал со стола лишние указания, чтобы утром не потребовать от Феди того же второй раз.

Глава 5. Последние мешки

К мучному ряду шли в обход. На прямой улице две подводы встали колёсами друг к другу. Возницы сперва уговаривали лошадей, потом друг друга. Пока один тащил телегу за оглоблю, от его груза тянуло свежим помолом. Макар сказал, такие мешки в ряду покажут сверху. Давно их уже никто под весы не тащит, если хозяин при покупке молчит.

Из кассы взяли ровно два рубля. Пелагея пересчитала при нас, оставила себе медь на сдачу и перед уходом велела Феде повторить цену за два фунта. Степан приготовит воду и дрова к нашему возвращению. У печи останется Федя, но замешивать новую муку он будет с Макаром. Денег хватит на два пуда и провоз, если не соблазнимся чем-нибудь ещё у ряда. Макар только спросил, во сколько я собираюсь обратно, и пошёл первым.

Никита ждал у ряда, уткнувшись плечом в мешок. Увидел нас, кивнул на человека в кожаном фартуке. Тот держал завязку у одного лотка на телеге. Сразу сказал, пудовая сейчас есть. Макар спросил, какая. Торговец поднял два пальца, которыми держал верёвку.

— Мука. Любая, какую господин любит.

Я попросил развязать мешок. Торговец показал горсть из открытого лотка, белую и сухую. Макар присел рядом с мешком и приподнял нижний угол. Под заплатой новая нитка шла рядом со старой. Попросил дать посмотреть на муку оттуда. Продавец накрыл мешок ладонью, будто тот собирался сам к нему снизу повернуться.

— Я тут мельницы из мешка не устраиваю, — сказал он. — Дешёвая, потому что берёшь как есть.

Мне хотелось первым заговорить о цене. Макар отступил от телеги так решительно, что по нему вышло, можно заплатить хорошую и всё равно уйти. Никита оглянулся к своей лошади, поправил доску. На пустом возу ему возвращаться не хотелось. Но с этой мукой ему завтра опять могли предъявить что-нибудь с нижнего угла. Мы поблагодарили и пошли дальше.

У ряда катили бочку через три разные доски. По каждой один человек знал, как подхватит следующий. У двора с паровой мельницей стояло несколько возов, мастера кричали, чтобы шли по своему номеру. С этой стороны тянуло гарью. Из другой пахло мокрыми от дождя мешками. На Волге торговали хлебом так, что я со своими двумя рублями мог просить место в проходе, пока за моей спиной человек покупает целую подводу по записке. Делать вид, будто мой пуд нужен каждому продавцу, тут хватало на одну минуту.

У лотка между колёс лежали два неполных мешка. Человек в суконном картузе сам завёл совок глубже шва и дал понюхать. У него из ушей торчало по одному седому волоску. Пока я растирал муку, он спрашивал Макара, помнит ли тот давнего мукомола Степана Лукина. Макар помнил. У Лукина, говорит, в сырую погоду помол дольше долеживал у стены. Тот подтвердил, у них мельницу на два двора делили. Сам вчера нижний мешок оставил на сушку. Эту, с верхней стороны телеги, везёт сейчас.

— Как вас записать? — спросил я.

— Егор Никифорович Мешков. Пуд по семьдесят пять. Я ещё сегодня с торга уехать должен.

Семьдесят пять больше, чем в дешёвом лотке. Я глянул на Макара. Он уже приподнял свободную чашу и спросил, можем ли отвесить поровну из двух мешков, отдельно. Мешков дал посмотреть весы. Для него важно было получить деньги до погрузки и не стоять здесь, пока за одним куском подают десять раз. Если первая проба окажется дурной, принять обратно готов до полудня. Послезавтра ему без живого глаза не докажешь, что в мешке была его мука. Я предложил отмечать завязки при нём. Он для записи принёс собственный чернильный пузырёк, как вдруг Никита кашлянул у самого колеса.

Назар Игнатьич подошёл с той стороны, где проезд был свободен. Шарф держал выше, чтобы не испачкать о муку. Поздоровался по имени, спросил, чего я вместо конторы стою у лотка. Услышав про покупку, заглянул под Мешкову завязку так, как при мне разглядывал расписку. Пройти до его хозяина всего два шага. Тот сам просил пригласить, если увидят у ряда.

Егор положил совок зубцами кверху. Мешка он может придержать оба, сказал, если не надо долго ждать. Хоть по одному тогда ещё отпустит. Макар остался у весов. Счёт за печь уже был на его руках, мои старые проблемы он брать в контору не хотел. Я попросил Мешкова постоять немного и пошёл с Назаром.

Ступенька перед входом была чистая и ровная. Дверь пошла от лёгкого нажима. У нас возле щели всё время приходилось придерживать ногой, чтобы не захлопнуло. Здесь у окна стоял целый шкаф с выдвижными досками. У каждой свисала бумажная бирка. Человек с оттиском дописывал последнюю строку. Одну щёку он прижимал ладонью снизу. Рука лежала на столе, видно было, что до другого посетителя хватит ей одной. Через минуту он отложил расписку, встал.

— Гаврила Иванович, — сказал Назар рядом со мной.

— Я у вас ещё хлеб брал до конторы, — сказал Лукичёв, пожимая мне руку. — Ваш батюшка на глаз весил. Что утром назовёт, то и вынет. Сосед нынче говорил, вы человека с деньгами отпустили в другую лавку.

— За дюжину заплатили, смогли выдать девять. За остальные вернули.

— Мне к концу ноября, выходит, тоже вперёд сосчитать три недостающих?

Он предложил сесть. За его спиной стояла миска с невысокой горкой белой муки, рядом тяжёлая книга. Моя выписка про долг там вполне могла оказаться ниже тетради торговца. Но дальше он заговорил про муку. Поразило, что цену Мешкова он назвал раньше, чем я успел сказать, к кому подошёл.

— К сроку приду с расчётом, — ответил я. — За мукой сегодня вышел на два пуда.

— Возьмите у меня по семьдесят две. Мешков вам семьдесят пять назвал? Он задолжал за помол. Дешевле ему взять теперь негде.

Из конторского окна было видно, как Егор стоит у своего воза, уперев сапог в ступицу. Лукичёв ещё раз назвал его цену и положил ладонь на стол. Сам даст на три копейки дешевле, хоть и с отсрочкой. У него амбар в двух дворах отсюда, записи по новому товару будут отдельные. На вопрос о сроке после ноябрьского он собирался ответить уже при второй покупке.

Я спросил, может ли Макар при погрузке проверить низ из каждого мешка. Лукичёв сказал, лучше даст свою отборную из сухой половины амбара. Там его люди знают, какой шов у какого сорта. Желательно, чтобы я не заставлял их без меры раскрывать перевязанные мешки. Я спросил ещё раз, можно ли взять именно два, которые выберем. Лукичёв посмотрел на Назара. Назар руками сдвинул край шарфа и сказал, тогда надо дождаться кладовщика, он будет к полудню.

Шесть копеек разницы мне бы пригодились. За эти шесть сегодня можно испечь один лишний хлеб, если остальное в порядке. Потом, правда, за каждым пудом я опять буду приходить сюда и ждать кладовщика. Попросил пока отложить предложение. Гаврила Иванович не стал торговаться за первые два. Поставил стакан к краю стола и спросил, ношу ли я ещё с собой рисунок с мешка. Вот про это у меня действительно был к нему вопрос.

Я нашёл рисунок. Он перевернул, поправил наружную линию ногтем. Сказал, это правда его оттиск. Крупин до осени брал у него больше, чем шло у двора в печь. Были мешки на Колесниковых. Там у Ивана родня возила. Лукичёв предложил принести сроки и пройти по его учётной книге, когда решусь прийти не за двумя пудами.

— За каким двором они в итоге числятся?

— Смотря что ваш Крупин положил под бумагу. Я по прежним дням ещё раз посмотрю.

Посоветовал спросить Крупина. У кого из Белозёровых тогда брали бумаги по двум дворам, у того есть причина помнить. Я ответил, что приду разбирать накладные вместе с тем, кто их у нас принимал. Положил рисунок в карман. Лукичёв не встал, посмотрел через окно к проезду, где как раз пытались развернуть воз.

— Двор у вас удобный, — сказал он. — Если сбоку ворота сделать, воз прямо под навес встанет. А нынче всё задом приходится подавать.

— Нам пока одного мешка хватит, чтобы понять, как печёт.

— Этот-то купите. Смотрите, чтоб платить было чем и весной.

Назар придержал мне дверь. На улице наконец прокатили бочку, которая с утра загораживала половину ряда. До Егора было шагов двадцать. Я оглянулся на широкий проезд к купеческому амбару. Туда встал бы и третий воз, если убрать два столбика. У нашего заднего забора вместо столбиков стояли печь и навес. Лукичёв произнёс «двор» так, будто до самой стены там уже всё было свободно. Об этом он ещё спросит. Сегодня мне нужны были два пуда муки, и они ждали у Егора.

У лотка Макар завернул две пробы в разные углы полотна. Никита уже вывел лошадь к свободному проезду, ждал только вес. Егор о моём разговоре спросил, пойду ли ещё на контору за другой мукой. Я ответил, что берём его два, если не продал. Макар взял с чаши старую тряпку, поправил подвес и показал, где у той мешок сам весит. Вывели по одному пуду из каждого. Одна мука мельче, другая грубее и чуть темнее. Из второй добрал глубоко, пахла сухим зерном. Сбоку над завязкой просил самому написать цифры, чтобы через час никто не перепутал. Егор поставил вес у себя короткой чертой. Под моими цифрами не расписывался, пока при Никите не повторили, что именно взяли.

Уложили оба на телегу, прокладывая края соломой. Мешков получил рубль пятьдесят. Я записал отдельно цену за пуд. Из конторы Гаврилы Ивановича вернулся Назар. Поглядел, как натягивают верёвку, и спросил Егора, поедет ли завтра к амбару за своим. Тот ответил, приедет, как освободит воз. Договорились прямо возле моего груза. Я сразу понял, что в выборе поставщика только что заплатил не за свободу от Лукичёва вообще. За свои два пуда мог спросить у человека, который держал совок. Столько мне сегодня было по силам.

Дома заплатили Никите двенадцать копеек за доставку. Сначала поднесли до сухой подставки, потом он взял мелочь. Пелагея записала оба числа в разных строках. Решила уточнить, был ли один мешок у нас в долг. Я сказал, оба куплены и уплачены. Дала мне посмотреть, сколько осталось от принесённых двух рублей. Тридцать восемь копеек. За шесть меньших у Гаврилы та же кучка была бы чуть полнее. Я сунул остаток в нужный угол и заметил, как Федя после этого перестал спрашивать, чьи деньги я принёс.

Дома развязали оба мешка при Макаре. Федя потянулся за вчерашней миской. Макар перехватил её, велел подать чистую и прочитать обе цифры на ткани. Парень назвал первую, вторую чуть не перепутал, потом сам сверился. По тонкой муке сделаем небольшой замес. Грубую сперва проверим отдельно, чтобы сравнить, как ведёт себя тесто. Я подвинул оба мешка дальше от стены. На той доске, что поправили вчера, оставалось место. Там мы и положили пробу.

Из лавки позвали к Аксинье. Туда вышел её племянник, хотел получить на завтра утром, если уже новая мука. Я предложил записать один хлеб на проверку, больше пока не обещать. Мешок сухой; печь ещё прежняя, у неё край всё так же ходит, когда Макар накрывает. Племянник сказал, скажет тётке, с деньгами придёт после того, как попробует. Так ей теперь и должны были испечь.

Пелагея отметила один хлеб на пробу. У печи Макар повернул заслонку боком и снова поставил. Снизу осталась щель, через неё был виден огонь. На муку мы сегодня потратили рубль пятьдесят. Никита взял двенадцать. Теперь надо найти печника и понять, от чего у края не пропекается тесто. Макар сжал железо через тряпку, оно сдвинулось ещё немного. Я подо-

шёл придержать другую сторону. О том, что утром Аксинья станет ждать обещанный хлеб, в печной никому больше напоминать не пришлось.

Глава 6. Первый настоящий хлеб

Осип Матвеич согласился посмотреть печь, пока в ней холодно. За ним Федя сбегал ещё затемно. Они вошли вдвоём, и первый вопрос печника был, где у нас гвоздодёр. Я показал на полку. Осип достал оттуда клещи, припасённые для ухватов, проверил ногтем, сходятся ли, и пошёл к устью. От него пахло подмороженной капустой. Рукавицы положил одну на другую у себя на шапку.

— Только железо ходит? — спросил он.

— Виделось, что железо, — сказал Макар.

— А вы мне затопите, чтобы я заслонку поправлял, пока горячая. На прошлой неделе уже поправлял у одних.

Макар молча подвинул ему чурбак. Осип уселся, подтянул к себе заслонку и снял с неё копоть в месте, где обод должен был сесть в паз. Протянул мне сажу на большом пальце. В середине была белая крошка. Попросил не сдувать.

Из паза выпала перекошенная железная полоска. Она попадала под обод, когда Макар ставил заслонку. Макар стучал, чтобы железо село глубже, и гнул его все сильнее. Щель внизу открывалась каждый раз на ту же толщину, а на одной стороне выедало кирпич. С открытой трубой дым всё равно шёл ему в глаза. В первый день мы успели обвинить сырые дрова и сарай Кузьмина за забором. За стеной как раз принялись колоть берёзу. Макар сгрёб с пола стружку, высыпал в поддон и рукой показал Осипу, куда обычно бил.

— Полосу выну, край посажу. На горячую поглядите, — сказал печник. — Паз в кладке дальше цел. Тут дотронетесь кочергой, всё опять выедет. До весны я ей срока не дам. Тридцать копеек.

— За две железки? — спросил Макар.

— За одну. Другая у вас уже есть.

Осип взял полоску с пола и поднёс к свету. У трещины металл истончился. Если клепать здесь, потом отойдёт с другой стороны. Новую полоску он принесёт из дома. У Аксиньи обещали хлеб к девяти, до того часа столько дел не уместить. Сошлись на тридцати копейках. Федю я отправил к Аксинье, чтобы не ждала горячего раньше обеда. Печник ушёл с ним. Макар дождался, когда захлопнется дверь, снял с дежи холст и сказал, что я могу оставить ему завтрак. Если сейчас вылить всю опару, с новой он всё равно начнёт поздно.

— Отложи немного старого себе в миску. Тепло здесь пропало, оно до утра и так слабое. Остальное посмотри как есть. В воде стояло?

— На столе стояло. Чтоб воздухом не забрало, накрыл. Ты бы рукой сперва.

Он приподнял холст. Тесто ещё держало мелкие пузырьки у стенок. Я успел велеть всё выбросить, пока сам не потрогал. Макар стоял здесь с ночи. Он видел, как шла опара, и помнил, насколько остыла печь. Отделили малую часть для первой пробы с новой мукой, из остатка приготовим свежую опару к следующему утру. Я принёс подвесные весы, чтобы записать доли. Макар уже зачерпнул горсть и подровнял край о миску. Пришлось просить его вернуть лишнее и в следующий раз дать мне сперва взвесить пустую.

Он пустил меня к ситу. Грудь и плечи Белозёрова справлялись с тяжестью лучше, чем я сперва решил, зато моя правая кисть к пятому толчку стала бесполезно дёргать обод. Сито ввинчивалось в муку и дралось по кругу. Макар терпел, пока у меня не пересыпалось через край. Потом подставил под колено пустой ящик. Надо было придерживать сито там, над дырой, и коротко двигать кистью. Через несколько минут на ладони легли две красные полосы. Федя, вернувшись, их увидел и ничего не спросил. Сам держал правой, левую подложил сверху.

Аксинья велела оставить один, как выйдет. Вчерашние ещё ели, поднимать людей из-за одной обещанной буханки не будут. Это была хорошая новость исключительно для печки. Для пекарни она звучала скромнее. У Аксиньи спрос мог обойтись без нас целое утро.

Осип вернулся с новой полоской, напильником и молотком. Выправил обод, подогнал крепление и несколько раз поставил заслонку на место. Дальше попросил лопату. Макар привычно завёл ручку в сторону, обод задел рукав. Осип отодвинул скобу на толщину ногтя и снова показал, как закрыть. Узнав, что по утрам дрова приносит Федя, посадил его к устью и велел попробовать самому. Парень так широко отвёл локоть, что едва не ударил меня в живот. Во второй раз управился не глядя. Осип собрал свой инструмент. У двери повернулся к ученику, который уже полез за напильником.

— Хорошо у него вышло. На другой день в темноте услышишь, где шоркнуло, позови.

— Я могу сам подкрутить, — сказал Федя.

— Можешь. Позови.

Тридцать копеек Осип пересчитал с первого до последнего. Одну стёр ладонью об штаны и положил в рот. Свободными пальцами достал из нашей дровяной корзины короткую лучину. Я думал, пойдёт проверять, а он подал мне. Велел держать сбоку от устья, потом к краю паза. При открытой задвижке слабое пламя загнулось вперёд. Где утром выходило в лицо, теперь едва качалось. Осип дождался, пока я его загашу, и ушёл.

Печь сперва прогрели небольшим огнём. Тесто стояло за перегородкой, у чуть тёплой стены. Пока мы в первый раз работали с Мешковской мукой, я придерживал весы и подавал воду. С первого взгляда её хотелось прибавить. У себя на заводе я бы сверился с влажностью муки, тут предложил плеснуть в дежу ещё кружку. Макар попросил полминуты, помял кусок и подал мне. Тесто уже собралось, остаток воды забирать не пришлось. Мы записали, сколько вошло, и оставили подходить. Когда я в третий раз заглянул под холст, Федя повертел пальцем у виска. Я сделал вид, что проверял вовсе не дежу, и пошёл отмывать миску.

Пелагея принесла из лавки чашку и хлеб, который оставила себе вчера, ещё из восьми Аксиньиных. Она купила его за свои шесть, не записывая в долг. Мы вместе попробовали холодный мякиш, проверили, какая корка на нижнем сгибе. Вкус был грубый, кислота высокая. Рядом с горьким тот хлеб казался пригодным. Теперь, когда язык отдохнул, я мог за него понять, почему не выстроилась очередь.

— На сухари такое понесёте? — спросила Пелагея.

— Если люди согласятся брать кислый сухарь. Пока я бы из него своей похлёбки сделал.

— Я спрашиваю, что запишу утром. Одна буханка для Аксиньи и два маленьких заказа. Человеку дай ломоть на пробу, он тебя за руку возьмёт, спросит, можно ли завтра к столу. Вот уже три. Что ему сказать?

— Пиши «к обеду». Кто без хлеба до обеда, пойдёт в другую лавку. У меня до обеда будет разрезана одна, прежде чем остальное понесём.

Она записала. Вечером дала мне прочесть последнее добавление, сделанное с краю, — не обещать горячего до розжига. Утолстила ногтем начальную букву. Я велел оставить для всех на косяке, где Федя вешал дощечку с ключами.

Макар сперва поставил на под четыре большие, две ближе к середине, две в бок. Мелкую лепёшку сделали из остатка. Её он вынул, потёр корку над плиткой и убрал на верх. Я попытался отломить горячей. За руку поймал Федя.

— Дайте полежать. Вы вчера разрезали, глядели, как липко. А тут всё в нём ещё ходит.

Мы переставили хлеб с доски на решётку, чтобы снизу выходил пар. У Макара на поду четыре места, каждому я дал номер. Боковая корка у двух взялась слабее. Одну Макар уже разглядел снизу: шов так и не сомкнулся. Её отложили. От второй только надломили край. Мука под коркой пропеклась, на пальцах после нажатия осталась крошка. Федя догадался передвинуть нашу лепёшку выше, чтобы положить на решётку оставшиеся три целых.

В лавке кто-то кашлянул. Племянник Аксиньи приехал на пустых санках и привёз с улицы горсть перетёртого снега. Дорожка до крыльца почти голая, санки грохотали всю улицу. Пелагея уже взялась за большую. Я вынес только лепёшку, разделил между ними. Мальчишка ещё раз вытер руку о куртку, подержал кусок в ладони и откусил. Мы три дня ждали, когда человек попробует хлеб и догадается положить руку обратно на прилавок. Он поднял глаза раньше, чем доел.

— Ещё можно?

— Половина твоя, — сказала она. — Буханку тётке донеси целой.

Печь отогрелась, и кислый запах сменился чистым ржаным. На сгибе мякиш сжался и разошёлся. В этот раз он держался на зубах ровно столько, сколько должен был. Макар снял с решётки одну боковую, разрезал и пошёл к печи сравнивать. Для продажи осталось три из четырёх, их Пелагея взвесила. Покупатель подождал, пока переставит гирю, и только затем отдал шесть. На санки хлеб не положил, сунул его под куртку. Санки дёрнул за верёвку и уехал с ними на брюхе там, где у канавы схватился лёд.

Следом пришла женщина за двумя большими. Пелагея взвесила первую. Со второй покупательница запросила корку потемнее. Макар заглянул из печной, показал, в какой из наших устье прогрело больше. Она выбрала ту, которую вспучило сбоку. Пелагея взяла двенадцать копеек. Закрылась дверь, Макар всё ещё стоял рядом и поправлял на весах мешковину. На чистой тряпке он увидел следы собственных пальцев, отдёрнул руку. Пелагея протянула мокрое полотенце, а мне подвинула все сегодняшние восемнадцать.

Ближе к вечеру у решётки над завтрашней опарой показались три знакомых числа. Первым стоял мой уровень, ещё единица. Под ним появился новый короткий список.

«Подтверждение партии. Три удачные пробы с записью выхода. Зачёт 0/3».

На решётке осталась та, что провалила пробу у края. Из четырёх буханок три годились к продаже. Если на каждой посадке оставлять четверть себе, муку с этих продаж не оплатишь. Я решил считать удачей девять годных из десяти с поправкой на размер первой пробы: один брак на девять хлебов допустим, два уже много. Макар сам нарисовал, на каком месте разошёлся шов. У места против заслонки на завтра оставили меньше пространства под хлеб, чтобы успеть каждый осмотреть.

Дверь на улицу открыла Аксинья, и вошли вместе с ней двое мужчин. Оба остались за порогом лавки, один вцепился скованными пальцами в ворот. Аксинья вынула из фартука свёрток, на весах зашуршала бумага. Это была часть нашей первой буханки. Она сама срезала по куску каждому, третий оставила. Мужчина в вороте взял при мне. Он ел, наклонившись, чтобы не садиться, хотя у двери стояла лавка.

— Мне к завтрему надо четыре, — сказала Аксинья. — И эти будут брать, если я их зову к обеду. Теперь спрашивать у лавки, когда?

— К обеду сделаем четыре. Заказ отмечу.

— А мне одну, — сказал тот, что ел. — Малым дома по ломтю, за ужином ещё надо. К обеду за одну заплачу, ребята придут, других к вам уже не пошлю.

Пелагея записала имя: Сидор, двор за бондарней. При таком же имени у неё уже стоял Морозов, и оба живут через две улицы. Пока она уточняла, кто придёт платить, я разобрался с обещанием Аксинье. Вместе с Сидоровым получалось пять. Сказал Макару, что к обеду нужно пять годных, а в печь поставим девять, если хватит места оставить край свободным. Федя попробовал поднять крышку дежи, поставил её обратно и пришёл глянуть, не забыли ли на завтрашней бумаге, когда выносить первые.

Мы расстелили мешковину, поставили чистую миску к бочке. Я остался ждать, пока ослабнет жар. Если сейчас уйти в дом, за пустым столом всё равно буду перебирать три удачных и одну сырую. Макар сел у решётки, сцепил руки, отпустил. Пальцы у него немного дрожали. Спросил, не вынуть ли из ларя старый луб, если потом муку придётся брать целым возом.

Я ответил, что сперва надо пережить две выпечки с тем, что уже купили. Он поднял нашу лепёшку, отломил последнюю горбушку и разделил пополам. Пока Федя расстилал холст на утро, мы съели её над тем же прилавком, где Пелагея считала мелочь.

Наутро вынули девять. У одной под коркой открылась пустота. Остальные годились по весу и по мякишу. Макар перевесил все восемь, пока я записывал, какие в этот раз передвинули дальше от угла. Четыре он отдал Аксинье, одну положил в корзину Сидору, три ушли в лавку. Сам Сидор явился без ребят. Потрогал корку, отдал деньги и на крыльце поправил холст у себя над корзиной. Пока он шёл за бондарню, над нашим журналом показалась первая отметка из трёх. Та, что оставили себе, ещё лежала разломом вверх на столе. Меня теперь занимало, сколько из восьмерых покупателей на другой день снова свернут к нам.

Глава 7. Хлеб должен продаваться

В девять в лавку вошли сразу трое. Двое спросили хлеба. Третий положил на весы рукавицу, отодрал щепку с большого пальца и обтёр мокрое голенище. Пелагея ещё не успела убрать гири. У меня было две партии на пробу, но на прилавке ни одной буханки. Через час дадим тёплые, после веса и первой проверки.

— А в три часа вас где искать? — спросила Пелагея.

Тот, что вытирал сапог, помотал головой. К трём у кожевни разойдётся жар в котлах, оттуда можно будет выйти только к вечеру. Второй стоит у конюшни и до обеда тоже за хлебом не пустят. Трое пришли вместе, потому что вели телегу с пристани. Им хлеб нужен сейчас. Мужик с мокрым сапогом предложил завтра постучать у печи прямо перед работой. Пелагея дождалась, пока отвечу. У печи первый хлеб в это время ещё только встаёт на решётку.

— Запишу, к какому часу. Где стоите до выхода? — спросил я.

— Мы все живём вразброс. У ворот Кузьминовых, ежели на пристань. За день уже не поймаешь.

Два старших ушли, младший не захотел заказывать. Он берёт фунт у Кузьмина, если тот согласен разрезать. На следующий день ему понадобится уже два, младшую сестру забирают из Смышляевки. Пока хозяин не даст жалованье, шесть копеек за целый у него может не оказаться. Пелагея отвела его от весов, спросила, как зовут. В тетради она поставила «Митя, спросил», коротко. Рукавицу он вспомнил у порога.

К обеду вынули две небольшие посадки из одного мешка. Первую делали с другой расстановкой, её держали для проверки жара у стенки и в общий зачёт пока не пускали. Вторую собрали как накануне. Одну разрезали для пробы, остальные подошли по весу, низ пропёкся. Я поставил вторую отметку. Пелагея отложила обещанное. Попросила вынести себе горбушку, пока ждёт следующего. До обеда к весам больше никто не подошёл.

Макар трижды прошёл от печи до дверей. Федя хотел переставить решётку туда, где у входа попрохладнее. Я попросил оставить до проверки остывания на прежнем месте, иначе завтра будем считать время уже от другой стены. У нас сегодня выходил хороший хлеб к пустому прилавку. Пелагея взвесила одну для себя, отложила обратно.

— А ты как обходишься, когда дома хлеб кончится? — спросил я.

— Иду к Макару.

— А когда ему утром печь незачем?

— Беру у той, у кого и прочие. Вдова Матвеевна к шести с печёным по улице ходит. Малым с картошкой, взрослым вчерашнего. Она место себе держит против сапожника. Выйдите после темноты, найдёте, кто где стоит.

Я взял корзину с нарезанной пробой, затянул шапку. На выходе из печной под ногой оказалась Федина рукавица. Три рубахи сушились на верёвке, он хотел ею прижать одну на ветру. Вернул рукавицу на край доски и попросил Пелагею расчертить на нашей вывеске две строки. Сверху — что можно заказать на завтра, ниже — что есть сейчас. Время пока не писали. Сначала надо пройти дворы и узнать, к какому часу человек действительно может забрать.

С улицы район оказался длиннее нашего места у печи. Свернул к сапожнику, там лоток действительно стоял под шитой дождевиной. Под ним две табуретки. Я спросил, всегда ли приятно брать хлеб на сквозняке. Матвеевна, узнав расход чей, посоветовала сперва купить, а потом уже докапываться. Купил её лепёшку. Она была плоская, с толстой полоской ржаной корки, в середине хорошее пюре с луком, жир стекал в сгиб бумаги. В четыре копейки здесь входило то, что человек мог взять с рук и есть на ходу. Моя проба была тяжелее и куда менее удобная. Матвеевна сдвинула лоток с ветра, напустила от себя две тряпки. Сперва отмахнулась

от корзины. Потом сказала отрезать ей того, что постарше, на остальное найдётся аппетит, когда люди с обеда пойдут.

За сапожником с краю стоял склад леса. Я подошёл к воротам, спросил у парня с метлой, кого застать для хлеба. В итоге после троих мне велели принести завтра две буханки, если хочу торговаться, под время, когда сменят работяг. Называл его парнем, пока не рассмотрел у него под воротом рыжую с седым бороду. Спросил у него, в какое время выдают мелкие деньги. По субботам. За две может сегодня сам, за прочих больше трёх копеек никто до субботы сразу не положит. Он сказал это тихо, на ходу, пропуская под ворота дроги в четыре колеса. Там работали голодные люди, и я почему-то заранее думал, что они готовы решать мою задачу количеством в десяток.

В конюшню с пробой не пустили. У них хозяйская Авдотья теперь возит хлеб сразу всем, надо только застать её у ворот. Я попробовал горбушку сам и пошёл к пристани. Две улицы от сапожника оказалось проще проехать на телеге, чем пройти в новых портянках. У складов один высокий грузчик ел, сидя на бочке. Снял рукавицу, удержал большой кусок между ладонями. Я спросил, чей хлеб. Жена принесла до работы и просила не жечь руки. Рядом его товарищ черпал ложкой варёную репу. Каждый взял по ломтю из моей корзины. Тот, что с репой, пожевал и спросил, пролежит ли до завтра. Два раза ходить мимо склада ему никто не даст.

На заводе срок ставила лаборатория, а за тару и прохладу уже отвечали другие. Здесь я видел его сумку. Хлеб окажется там вместе с сырым краем рукавицы. Сказал, что лучше положить в сухой холст, когда остынет. Оба засмеялись. Холст на всю неделю у второго один, на ногах. Я дал ему свою чистую тряпку со дна корзины. Он свернул в неё отломанный кусок и предложил за это поесть его репы. Доел у бочки. Они попросили на завтра по малой, один в первый час, другой ближе к обеду. Всё равно удобнее, чем идти за хлебом ещё раз.

Аксинью я застал уже к двум. Она стояла на крыльце шорной мастерской и придерживала запястьем крышку кастрюли. Пока я поднимался, успела послать кого-то за блюдцами и отослать мальчишку с пустой миской обратно мыть руки. С той стороны двери ели шестеро, а к следующему обеду обещали зайти люди ещё с двух дворов.

— У вас завтра девять или двенадцать? — спросил я.

— Завтра у нас люди. Сколько из них придут есть, я за них не решаю.

— Кто берёт деньги на хлеб?

— Обычно я. Лёнька на прошлой неделе пошёл, вернулся с пряником. Говорит, хлеб кончился. Самому прянику, надо думать, вот тяжело стало.

Мне уже было ясно, что четыре заказанных у неё не означают семь в придачу. Поразмыслив, она захотела оставить четыре с утра и возможность взять ещё две до обеда. Четыре заберёт её племянник, две принесём на крыльцо вдвоём, можно взять потом деньги по тем, которые ушли. Депозита она не даст, у неё сегодня расчёт с хозяйкой за сметану. Мы договорились на одни сутки. Взамен я попросил оставить известие о двух штуках, если они нужны, не позднее первого визита. Так мне удастся оставить их у себя на прилавке. Аксинья отдала кастрюлю показавшейся девочке и переспросила порядок. Собиралась рассказать племяннику без ошибки.

Домой я пошёл мимо бондарни. Двое плотников, знакомых Сидора, сперва обещали с утра забежать, потом один стал считать, сколько ему стоять в очереди за углём. До лавки обоим ближе к полудню. Я оставил адрес и спросил, почему старший зовёт меня Николай, а младший — Коля. Старший засмеялся. Его дед когда-то брал у Белозёровых хлеб в долг. Дал за него три дубовые доски, ночевал два дня на мешках, пока чинил подставку под весы. Николай тогда едва доставал до края. Там, куда он указал с улицы, у Пелагеи до сих пор стояла дубовая доска с тёмной вмятиной. Она знала по этой вмятине, куда поставить чашу, чтобы не качалась. Я взял у плотников два заказа и не стал снова объяснять, чьим сыном они меня называют.

Завтра первую посадку придётся поднять на час раньше. Люди из кожевни заберут своё перед работой. Следом большие к обеду для Аксиньи и лесного двора. Тем, кто идёт на пристань до света, оставим хлеб с вечера, если готовы брать остывший. Я вернулся с двумя столбцами уличных заказов, показал Макару. Он посмотрел и спросил, во сколько я встану завтра. По его лицу было ясно, что оставлять ещё одно раннее утро одному пекарю он не собирается.

Вечером мы унесли одну дежу ближе к остывающей печи, вторую оставили у стола. Федя начертил на дощечке две цифры, чтобы не спутать время. У нас было две засчитанные пробы. Для третьей оставили проверенный помол и ту же закваску. Каждый хлеб после остывания взвесим, один из середины разрежем. Пелагея придёт ближе к первым покупателям. Мне в тишине двора вспомнилось её «иду к Макару». У Пелагеи это означало одну дверь, про которую она знает заранее. Мы с Макаром ещё только пытались сделать такую же дверь для всех остальных.

Ранним утром Макар снял десять. Две на самом краю прихватило, обе прошли после осмотра. Третья пахла сырым снизу, её убрали прежде, чем из лавки позвали за первой. Девять из десяти годились, по нашим записям это третья удачная проба. Два хлеба сразу забрал возчик, который вчера ещё не ручался ни за один. Потом пришёл парень из кожевни. Купил большую для сестры, назвал своё имя: Митя. На завтра попросил только фунт, в кармане шести копеек уже не будет. Я записал ему малую, хотя пока у печи надо было поговорить, как получить ровно фунт после усушки.

К десяти из следующей посадки ушли четыре Аксинье и две на лесной двор. Одну Макар придержал, пока не дошло светлое донце, и оставил на наш обед. Человек у прилавка попросил выбрать ему темнее, другой рядом захотел такую же, отломил кусок с горбушки для пробы. Пелагея взяла плату порознь, оставила мне весы и пошла за тёплым холстом. Над мешком перед глазами чуть раньше проступила та самая первая строка.

На пустом месте над полкой появилось несколько строк.

«Подтверждение партии. 3/3. Награда +60. Уровень 2».

Под уровнем показалось новое название: «Чутьё технолога I». Я машинально поглядел на полосы, которые набило сито на ладони. Они никуда не делись. Макар позвал к второму Мешковскому мешку. В прежней муке песчинки не чувствовались, в этой я их сразу различил пальцами. Ногтем можно было подхватить крупную крупку и увидеть. Взяли обе пробы к окну, сравнили на белом холсте. У Макара с первого раза вышло то же самое. Я не сказал ему, что у меня пока висит название над полкой. Попросил оставить две муки в разных мешках. Во дворе к тому времени уже выкупили две последние малые.

Вечером Пелагея высыпала из ящика всю выручку. Митя весом собственного хлеба интересовался, Макар понимает, сколько дров ушло на ранний жар, а в кассе все копейки одинаковые. По утреннему фунту надо было знать цену, прежде чем вывесим её на дверь. Я разлиновал чистый лист, спросил, сколько дров убрали из корзины за обе выпечки. Макар сказал, проще перевесить всю, пока завтрашние ещё внутри. Пелагея закрыла дверь и напомнила, что Мите пообещал сам. Если считать, будто маленький выходит за половину работы, наутро человек заплатит сколько сказали. Подорожание я увижу уже после, когда снова понесу рубль на рынок.

Глава 8. Цена буханки

Митя принёс три копейки завёрнутыми в бумагу. Две были обычные, третья со следом от гвоздя. Пелагея пересчитала их у весов и сразу спросила, откуда он придёт в другой раз. За спиной покупателя ждала сестра. Митя представил её так тихо, что я расслышал только «Анютка». Она всё утро поправляла узел на руке, и надо было попросить, чтобы обе ладони подставила под хлеб. Митя взял его сам. Теперь он мог держать свой фунт за корку, не дай бог, чтоб у другого края оказался чей-то вечер.

Я обещал ему отдельную маленькую буханку по весу, свежую. Федя пустил три из остатков первого замеса. Одну раскололи вчера на пробу. Больше корки на тот же вес, на пару минут раньше вынули, открыли низ. Митя ничего не спросил про цену целого. Подержал большой палец на бороздке от ножа и решил, что брать будет такой же.

Следом пришёл рабочий с маленьким горшком для похлёбки. Надо фунт с половиной. Спросил, можно ли к малой отрезать ещё полфунта от большой. Пелагея возразила, что за остатком тогда никто не придёт. Я предложил разрезать. По времени ещё весь день впереди, думал, кто-нибудь у них захочет купить полторы за раз.

Пелагея отсекла от большой половину фунта и взвесила. С горбом вышло на два золотника больше, но обратно не пристроишь. Человек заплатил за фунтовую и за отрезанный кусок. Двухфунтовая осталась на прилавке со срезом. До полудня её трижды покрутили в руках, и каждый попросил целую. Последняя женщина уходила с картошкой в пазухе, готова была взять малую за три, большой остаток ей к обеду не нужен.

Пелагея накрыла срез полотном и встала, разматывая платок. Из лавки тянуло на север. Уловила мой взгляд, сунула руку в карман передника и достала две копейки.

— Мне вот и второй человек должен будет за половину заплатить, а кто? Вам хлеба на похлёбку сегодня выдать сколько?

— У меня есть вчерашний.

— Тогда давайте отложим этот. И на бумагу, сколько с него взяли.

Я записал. В следующий раз соглашусь резать из тех, что к обеду уже не уходят целыми, и только если есть кому за ними прийти. Ещё написал Пелагее «Митин фунт — 3», вдруг кому-то придёт в голову, что нарочно маленькое должно стоить дороже. Мне чуть-чуть такая мысль пришла. Много чего мы утром делали дольше ради этой горстки, и дров в печи заняли едва меньше. Я спросил у Макара, сколько вообще вышло с пуда.

— По сортам куда смотришь?

— У того, первого, Мешкова. Когда один весь уйдёт. Хочу пересчитать день на один мешок.

— От первого осталось, вон. Федя пуд отвесь всю до конца, пусть потяжелеет.

На пробу отвесили ровно пуд муки из проверенного мешка. Макар подвинул к печи корзину с дровами. Она вмещала всё, что он обычно брал на один розжиг и поддержание жара. Я хотел отвесить каждое полено и рядом положить цифру. Федя вынул одно, которое было холодным наощупь, и подложил сухое. Второе достал из другого места. В конце жару не хватило, Макар велел принести две коротких берёзы. От утренней описи мне стало бы легче только в том случае, если бы все горели так, как написано. Мы взвесили пустую корзину, полную перед топкой и остаток после. Две берёзы Федя сам положил на весы, прежде чем их взял Макар.

Пелагея нашла цену Никитиной вязанки. В ней семь крупных и два тонких, а вчера по той же цене было восемь других. По одному полену считать незачем. Сравнили вес сухих дров из всей покупки с тем, что ушло сегодня. Восемнадцать копеек за розжиг и выпечку. Федя стоял рядом и ждал, не понадобятся ли мне оставшиеся тонкие. Хотел после закрытия погреть у своего места кирпич. Сам сказал, одну ещё оставить на утро. Я попросил забирать только

из кучки, которую утром всё равно не считаем, и вместе с ним перенёс табурет с прохода к кухне, где не тянет снизу.

На соль, бумагу и прочие мелочи записали шесть копеек. Пелагея предложила добавить сюда старую длинную тряпку, которой в лавке протирают гири. Сегодня её выстирать, завтра всё равно годится. Я приписал отдельное место для починок. Осипова накладка по-прежнему стоит тридцать, к одной выпечке её можно отнести только тогда, когда она за одну же выпечку развалится. У двери в лавку как раз упал крючок. Федя снял с чужой доски гвоздь, подбил, крючок вернулся на место. Пелагея посоветовала не записывать стоимость второго гвоздя, пока первый не купили. За работу с одним пудом после мелочей остались ещё руки.

За весом осталось считать работу. Я положил перед ними лист, по которому труд на эту партию выходит сорок пять копеек из смены на несколько заходов. Макар обвёл его ногтем.

— Если сегодня половину просидел, это что, покамест отдать нечего?

— Отдать за день по уговору. А дальше понять, сколько платит за тебя каждая буханка.

— Знаешь, как у Садаева прежде платили? Пока в печь руками лезу — по времени. Чтоб к шести успел — удваивай к шести. Дома когда я сплю, его за это никто не судит.

— Я хочу, чтобы платил хлеб и за твоё утро, и за то, как вышла партия. Корзина не продаст треснувшее, спросим, куда это отнести.

Я понял, чего Макар боится. Если на одной посадке сегодня нечего заработать, у меня будет соблазн вычесть с него. За лавку Пелагея тоже отвечает только в свою очередь. Спросить с неё можно, зачем дала покупателю не ту сдачу, а за то, что к обеду никто у двери не встал, отвечать приходится мне. Договорились вести сорок пять как долю труда в выпечке. Зарплата у каждого за день та же. Старая, которую уже начислили и задержали, пойдёт отдельно. Макар вынул из-под угла скреплённую бечёвкой пачку и показал Пелагее. Она сказала, за своё до осени уже кое-что записала, на Федю попросит добавить одну строку. Я попросил завтра принести оба счёта на один стол. Макар подвинул ко мне сегодняшнее и оставил себе старое до вечера.

Первый пуд добегал с утра, проба шла настоящая, даже если привычные способы Феди отличаются от моей грамоты. К обеденному времени выведенный вес, когда всё остыло и разложили, был пятьдесят два фунта. На бумаге это двадцать шесть больших. Одну разрезали для пробы, у другой в печи развалился край. Мы сделали отметки из какого места на поду и куда просел край. В кассу поэтому годны двадцать четыре, без всякого спора. Я перевесил обе отложенные потери ещё раз. То, что бумага ждёт этих чисел, никакого влияния на корку не оказало. Положил на место.

Мука обошлась в семьдесят пять копеек, дрова в восемнадцать, мелкий расход в шесть, труд добавил сорок пять. Вместе рубль сорок четыре. Выручка за двадцать четыре буханки по шесть будет такой же, если продадим все. Но Никите за два пуда отдали ещё двенадцать. Из этой партии на подвоз приходится шесть копеек. Значит, полная себестоимость рубль пятьдесят. Я записал убыток в шесть копеек, пока ещё уверен, что не останется ни одной целой.

Я попробовал записать чисто. Разделил страницу на расход этой выпечки и время, в которое весь товар реально ушёл. Ни за двором, ни за новым железом, ни моей едой там ещё не закрепили ни копейки. Я зажал в пальцах карандаш, от одного и того же следа на нём положил большой палец поверх. Пробная буханка для нас — хорошая привычка за одну копейку только при большом выходе. На наших объёмах это шесть из кармана. Мука чуть подорожает, и начинается разговор про цену. Я думал, что цена у меня самая обычная. Теперь видел, где под ней табурет к шатающейся ножке, где уже нечего подложить.

— Высокую можно, если свои тянутся за коркой, — сказала Пелагея. — Кузьмин кто ему велит, сам завтра и поставит.

Мы из лавки вместе посмотрели, как мимо ведут маленьких детей. Двоих в одних носках для короткой дороги принесли в телеге. Человек с возом остановился на той стороне, посмот-

рел на Кузьминову дверь, у нас задержался. Ни одна лавка его ещё не поймала. Он вынул закатанный бумажный пакет. Мне захотелось вынести ему полбуханки через порог для пробы, со скидкой за то, что долго смотрит. В кассе мы после каждой такой скидки откладывали ещё одну работу на долг. Пелагея опередила и сказала, что лучше посмотреть, зачем он вынул пакет. Внутри оказалась тряпка, которой он вытер под коленом старую ходку телеги. Затем повёз детей дальше.

Цену пока оставим шесть за два фунта и три за один. Малые будем печь рядом с большими, пока там остаётся место. Для восьми штук с утра можно отвести жар на краю одной посадки. Большие разрезаем только если обе части заберут, иначе покупатель платит за полфунта, а у меня до вечера сохнет полторы. Аксинье за четыре всё те же шесть копеек с каждой. Пусть скажет к первому визиту, нужно ли ещё две к обеду. Тогда можем отложить, когда по часам уже знаем, что подошло.

Макар услышал восемь и пошёл смотреть на Федю. Сперва попросил его с прежнего замеса разделить один большой на два маленьких для проверки. Парень взялся так уверенно, что оба мы успели отойти к лавке. На втором маленьком позвал сам: не сходится вес после того, как обрезал выступ. Макар принёс чашу и предложил перевесить обе части разом, прежде чем снова что-то отщипывать. На одной и той же доске три разные руки справлялись с фунтом дольше, чем я обещал покупателю утром. К завтра уже можно будет дать Феде восемь.

До темноты ушли четыре последних. У одной был срез. Матвеевна забрала её за оставшиеся три копейки по весу, отнесла в свою миску со сметаной. Мы с Пелагеей пересчитали день. Утром в кассу попал вчерашний хлеб, завтра ещё купят часть сегодняшнего. Если сложить всё рядом, легко решить, что пуд сам собой дал прибыль. Я отделил данные пробы, расходы и результаты проверки. При нынешней цене надо либо получить больше годных, либо так загрузить печь, чтобы за один и тот же жар продать больше. На оторванном краю Пелагея вывела рядом со ста сорока четырьмя ещё шесть за подвоз. Я уже и без её нового числа помнил, зачем мы его носили по двору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.